

~~~~~ Бенефисъ Ѳ. И. Шалянина ..

Состоялся онъ въ московскомъ Большомъ театрѣ 3 декабря. Вотъ какъ описываютъ его московскія газеты. Театръ, конечно, переполненъ, именно переполненъ потому что въ каждой ложѣ сидѣло по три-четыре человека сверхъ комплекта: надо же было оправдать высокую цѣну. Валовой сборъ достигалъ 18,000, и на долю бенефицианта очистится 15 000 рублей. На бенефисъ по необычайнымъ цѣнамъ тронулась та публика, которая обыкновенно сидитъ на своихъ денежныхъ сундукахъ и ходитъ только на чрезвычайныя событія—именно, когда ложа стоитъ двѣсти цѣлковыхъ, и не всякій ее можетъ купить. Въ театрѣ, куда ни посмотри, сидѣли милліоны. Но была и горсточка интеллигенціи, были люди всѣхъ свободныхъ профессій. Между прочимъ въ одной ложѣ сидѣли Горькій, Свиталецъ, Андреевъ, были сценическіе дѣятели пріѣхавшіе специально изъ Петербурга.

Шалянинъ появляется въ прологѣ при такой обстановкѣ, что аплодировать—значило-

бы нарушить иллюзію: онъ вылетаетъ на скалѣ. И потому громъ рукоплескавій разразился послѣ пролога.

Первый актъ принимали холодно, вяло, но когда упалъ занавѣсъ и пошла серія подношеній, публика наэтризовалась, всѣ встали съ мѣстт, вызывали, рукоплескали, махали платками. Подношенія возобновлялись и послѣ второго акта, и послѣ третьяго. Прежде всего подали Шаляпину вѣнокъ отъ Собинова, и Мефистофель поцѣловалъ Фауста, чтобы доказать, что ренетиціоннаго недоразумѣнія и не бывало.

Самый интересный подарокъ былъ отъ женщины: огромный футляръ съ полнымъ собраніемъ сочиненій Л. Н. Толстого, въ чудныхъ переплетахъ и съ слѣдующей надписью на футлярѣ и на одной изъ книгъ: „Великому таланту и отзывчивому другу отъ учащихъ женщинъ — отъ благодарнаго общества вспоможенія учащимся женщинамъ въ Москвѣ“.

Хоръ русской оперы поднесъ въ роскошномъ серебряномъ бюварѣ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Федоръ Ивановичъ! День вашего бенефиса хоръ Императорской русской оперы считаетъ для себя большимъ праздникомъ и съ гордостью раздѣляетъ трудъ съ такимъ гениальнымъ артистомъ-художникомъ, какъ вы, чувствуя, что этотъ великій человекъ, высоко держа знамя русскаго искусства, ведитъ въ васъ, скромныхъ труженикахъ, собратьевъ по искусству, относится къ намъ, какъ къ добрымъ товарищамъ. Отъ всей души желаемъ дорогому Федору Ивановичу преуспѣвать въ добромъ здравіи и славѣ долгіе годы“.

Въ числѣ другихъ подношеній были: золотой вѣнокъ отъ В. П. Зыкова, съ надписью: „Родился въ свѣтъ ты гениемъ, пѣвцомъ, ты славилъ родину и Бога. Современному Баяну земли Русской — О. И. Шаляпину“, большой портретъ артиста, съ надписью на мольбертѣ: „Талантливому артисту-художнику, прославившему русское имя за - границей“ и много другихъ подарковъ. Были еще два огромныхъ и красивыхъ флакона духовъ отъ Брожаръ, вѣнокъ, цвѣточная лира и огромный ларецъ, сдѣланный въ видѣ древне-русской книги, съ желѣзными застежками; въ ларецѣ, обитомъ внутри парчей, визитная карточка, на которой написано: „Адресъ будетъ доставленъ послѣ спектакля. А. Пѣшковъ“.

Буря овацій возобновлялась послѣ каждого акта и достигла апогея въ концѣ. Публика неистовствовала, хотя безконечные антракты, болѣе длинные, чѣмъ самые акты, затанули спектакль за полночь.